

**Валерий
ПРИЕМЫХОВ:**

«В МОСКВЕ

Я ДО СИХ ПОР ВАРЯГ»

— Может, я тебе сейчас подыгрываю, — говорит Приемыхов, — но у меня всегда был жуткий комплекс провинциала: работал я на Дальнем Востоке актером в театре, все вроде нормально. Но знаешь, как трудно было взять и поехать поступать второй раз! Я вообще-то хотел быть писателем: научусь, думал, читать и сам буду для мамы сказки из букв складывать. И поехал в Москву в Литературный поступать. Хотя кино, конечно, ближе казалось: мой первый опубликованный рассказ ведь про кино был, про зрителя... Но все говорили: во ВГИКе конкурс! Собеседование строгое! Отборочный тур в Литературный я прошел, но экзамены начал сдавать все-таки во ВГИК. А в Литературный потом к Амлинскому на семинар ходил...

...Знакомству нашему, страшно вымолвить, уж скоро тридцать лет! Со вгиковской поры...

— В Белогорске Амурской области я родился, аттестат получил в Благовещенске, при Амурском драмтеатре в народной студии занимался, во Владивостоке Институт искусств заканчивал, потом был театр в Уссурийске. Это только жил где, а бывал — без счета: отец железнодорожником работал, потом на лесозаготовках, так что мы иной раз жили в таких городках и поселках, по которым ногами едва не медведи ходили! «Комплекс» мой провинциала и в том даже, что играет, скажем, классическая музыка, а я ее не понимаю: где мне ее понять-то было — в Сиваках? Или в Шимановске, в котором на весь городок два аккордеона было? Не-е, «комплекс» свой я четко осознавал!

Меня, между прочим, в родном городе не узнают. Нет, ну, наверно, они и «Пацанов» видели, и «Холодное лето 53-го», но не предполагают, думаю, что я иной раз рядом с ними в сапогах резиновых по грязи шляюсь. Сижусь-то на набережной, ем мороженое, люблю свою первую вспоминаю. Останавливаются двое: «Вы?!». «Ребята, — спрашиваю, — как вы узнали-то меня?». А они из Хабаровска оказались...

Я всегда очень много читал. Бегу, помнится, из школы, и счастье меня переполняет: дома три тома Майн Рида и Жюль Верн ждут! Классе в седьмом прочел «Войну и мир», и жу-утко она мне тогда не понравилась! Я нынешнего Аксенова не люблю: обманул он меня, выраставшего на «Звездном билете» его и «Коллегах» — он мне в годы оттепели столько сказал, столько объяснил! Может, я и за своих-то героев ответственность ощущаю из-за него... Шукшин? Я года в 23 прочел его и обалдел: оказывается, мы тоже нормальные! Только у нас по-другому все: не хуже, может, даже интереснее... Я у него вдруг собственные обороты речи услышал! В институте уже когда учился, все боялся к нему подойти, избегал даже «шапочного» знакомства: вот, дурак, сделаю чего-нибудь стоящее, тогда!

Когда я первую роль свою сыграл, все мне сочувствовали: «Ну зачем хорошему сценаристу средним актером становиться?!». А когда уже «Штаны» снял, наоборот: «Отличный артист зачем-то в режиссуру подался...». Да

я и сам уже не знаю, сценарист я, актер или режиссер. Ты назови меня «кинематографистом широкого профиля». Шукшин, между прочим, тоже так себя иногда определял!

...Так уж стряслось, что пару раз «общенья» наши совпадали с выборами.

— Тусовками «Ельцин — президент!» не увлекались?

— Мне предлагали, но... ты знаешь, я — не активист. Меня страшно раздражает, когда выступают от правительственного блока и говорят: Россия не любит умных, провинция косная. Они заранее уверены, что уж они-то как раз самые умные!

Столица сегодня — это уже и не культурно-географическое понятие, это скорей близость к власти, распределению благ. Отсюда и отношение к провинциалам, как к чему-то, порядок нарушающему. Иностранцы, пытающиеся о России судить по столице только, ни в малой степени ее не поймут: реформаторы, по-столичному лихо пытающиеся сконструировать будущее, во внимание провинцию не принимают. А меня не покидает ощущение, что идеи, в течение многих лет в столице рождающиеся, погибель свою находят за пределами Садового кольца. И надо быть предельно бессовестным, чтобы не видеть, как «несуществующая» эта провинция кормит «светоч» свободы и мысли — столичные города, как отдает детей своих в армию, на своей шкуре полно и больно испытывая зигзаги столичной политики.

А ведь столичная общность из вчерашних провинциалов и организовалась! Половина из которых провинциального своего происхождения стесняется, другие в застолье только и вспоминают Волгу, Оку, Сибирь своего детства.

Я до сих пор на родину свою «малую» приезжаю, выхожу из поезда и понимаю, что не только к родственникам приехал, но туда, где мне хорошо: базар местный, дома невысокие, клены тенистые, бабушки на лавочках... А здесь?! Ты посмотри на Тверскую: машины отдельно, жители — где-то за занавесками, тоже отдельно! Разве это жизнь?! Я в Москве и гу-

В тусовках я его не примечал. Хотя, казалось бы, формальных поводов для «звездности» хватает: имя, популярность, победы в рейтингах, премии... А он все тужит, что до сих пор не изживет в себе провинциала. И тема эта регулярно в общении нашем возникает.

лять-то никогда не выхожу...

Мне вот говорят иногда: «Ну если ты уж так любишь свой Дальний Восток, жил бы там!». А у меня ощущение, что я оттуда и не уезжал: я в Москве до сих пор варяг! Да если бы все искусство не делалось в столичных городах, я бы с превеликим удовольствием жил там: я люблю родные места, тайгу люблю...

Я о детях наших со страхом думаю: какими они игрушками играют! Да мне покажи в детстве такого «милого» динозаврика, я бы в угол забился, наверное, со страху! Только на то надежда, что где-нибудь сохранятся понятия, что добро — это просто добро, а зло — без «нюансов» и «оттенков» зло.

Геннадий
СУХИН

Приемыхов Валерий

22.04.94.